

чувствами боролось мое сердце. Черты моего дяди, которые все больше искажались, представляли картину смерти. Боль от его потери, тревоги за мою бедную тетю, это всеобщее изменение во всем доме, эти пьяницы, которые отказывались повиноваться и часто поговаривали о свободе, все эти похоронные приготовления, которым я отдавалась целиком, как бы торопя момент, который унесет от нас это тело; чувство, которое было подавлено грустным воспоминанием, что вскоре на земле ничего от него не останется, — все эти тяжелые чувства, которые одолевали меня, поочередно приводили меня то в дрожь, то в жар, когда лицо горело, а губы пылали. Я чувствовала, что мысли мои путались, все мне казалось страшным сном, но стоны моей тети, рыдания, раздававшиеся со всех сторон, приводили меня в себя и доказывали, что наша потеря была реальной. Как несчастье увеличивает опыт! Как живо я почувствовала тогда, что вся жизнь должна быть только непрерывной подготовкой к переходу в лучшую жизнь; я почувствовала тогда благодарность к бесконечному милосердию, которым Бог нас защищает от страстной привязанности к предметам этого мира, потому что удел человека отделиться от них рано или поздно, и чем сильнее связи, тем труднее их разорвать.

О! Как все мне стало безразлично. У меня была единственная мысль, мысль о смерти, которая в одно мгновение отделяет душу от тела и бросает одну на добычу червям, а другую поднимает и представляет перед судьей и Богом. Ужасный момент, говорит Франсуа Сале,^{XXVII} который и решает все испокон веков. Никогда такая толпа мыслей не утомляла меня, никогда я не видела, как умирает человек, и это был мой дядюшка, мой второй отец, который подверг меня такому жестокому испытанию.

11 июля все было доставлено из Новгорода, и было решено, что этой же ночью отвезут тело. Я сошла вниз, чтобы послушать последнюю молитву, покойник был уже в гробу, несколько священников окружили его и начали тихо петь «Вечную память». Комната наполнилась рыданиями. Став на колени, я повторяла про себя: *«Вечная память и в сердцах наших, милый дяденька»*. Сколько сирот, таких, как я, которым он был вместо отца, благословят навсегда его память, сколько лиц, несправедливо гонимых и нашедших в нем защитника, будут молиться за эту праведную душу! Какое стремление, какое нетерпение даже делать добро. Какая энергия первой молодости, когда речь шла о помощи ближнему, как любое промедление тогда становилось для него непереносимым.

Утешительной была мысль о том, что мы больше оплакиваем себя, для него же мгновение смерти стало его триумфом. Мы рыдали, в то время как он наслаждался признательностью, относящейся к